

Часть I

Глава 1

— Скажи мне, чего ты хочешь, и я скажу, кто ты.

Соня поднималась на эскалаторе, а мужской голос слышался с того, который шел вниз. Когда она оглянулась, было уже невозможно понять, кто произнес эти слова. Пестрая летняя людская лента, разноцветные наряды и слитный гомон. Даже странно, что она расслышала отдельную фразу.

Но всю дорогу от метро до Большого Козихинского перелука эти слова оставались на поверхности ее сознания. Значит, есть в них что-то существенное, причем не вообще, не в целом, а лично для нее. Ей хотелось понять, что именно.

У подъезда стоял «Харлей», возле «Харлея» — Витька Васильчук с первого этажа. Его девушка Аля сидела на мотоцикле.

— О, Сонь! — обрадовался Витька. — Возьми котенка, а?

— Не возьму, — ответила Соня. — Я не хочу котенка. И собачку тоже не хочу.

— Так не насовсем же! Неделю поддержи, мы вернемся и заберем.

— Да? — с недоверием спросила она. — А у тебя же вроде не было котенка.

— Вчера появился, — ответил Витька. — Из контейнера вылез, когда я мусор выбрасывал. Куда было деваться? Припер его домой. А мы в Краснодар едем, не тащить же с собой.

Соня терпеть не могла, когда ею манипулировали.

— А родителям почему не отдашь? — спросила она.

— В отпуске они! А то, конечно, им бы сгрузил. Временно, — поспешно добавил он. — Так-то кот зачётный, мы с Алькой его точно себе оставим.

Аля согласно кивнула. Она смотрела на Витьку преданным взглядом и, надо полагать, взяла бы даже крокодила, если бы того захотел ее любимый.

— Черт с вами, на неделю возьму, — вздохнула Соня. — Где он?

— Вот. — Витька с готовностью извлек из-за пазухи кожаной косухи облезлого котенка, черного как уголь. — Держи.

— Подожди, что значит держи? — возмущилась она. — А кормить чем? А туалет?

— Да чем хочешь корми, он не балованный, — заверил Витька. — Даже булку от гамбургера сожрал. А гадит на газету.

Он явно собирался воспитывать кота по собственному неприхотливому образу и подобию. Объяснять, что его стиль жизни не универсален, было уже во всех отношениях поздно.

— Ладно, — сказала Соня. — Как его зовут?

— Бентли.

— А почему не Харлей?

— I have a dream!

С этими словами Витька вскочил на мотоцикл и газанул, прежде чем Соня успела еще что-либо спросить.

Впрочем, спрашивать было и нечего. Оставалось надеяться, что по возвращении Витька с Алей не передумают забирать своего несуразного кота мечты.

«Если передумают, отнесу Ирме Петровне, — сердито подумала Соня. — И спрашивать не буду, хочет она или нет».

В конце концов, облезлый Бентли — не самое обременительное для Ирмы Петровны последствие поступков ее сына, бывали и похуже.

Бентли сидел на ладони тихо, как мышь. Он и был немногим крупнее мыши. Уши, несоразмерно большие, напоминали крылья с эмблемы одноименного автомобиля. Хотя вообще-то из-за этих ушей он был похож скорее на нестрашного гремлина, чем на что-либо роскошное.

Песчаная роза

Лоток, наполнитель, кошачий корм — Соня точно не мечтала возиться с подобными вещами. Но и чрезмерно сложным все это не назовешь.

Войдя в квартиру и держа в одной руке котенка, чтобы не сквозанул куда-нибудь под диван, другой рукой она налила молоко в розетку для варенья и поставила в микроволновку греться. Потом, пока Бентли лакал, выбросила увядающий букет из выкрашенной в сиреневый цвет ивовой корзинки и застелила ее бамбуковым полотенцем. Когда застелила, подумала, что Витьке наверняка и в голову не пришло вымыть извлеченного из помойки котенка, значит, это придется сделать ей. И ветеринару его показать тоже. Все-таки мороки с этим Бентли намечалось немало.

Соня вынула из обувной коробки свои туфли и, как только котенок допил молоко, отнесла его в туалет, где эту коробку и поставила. Он с удовольствием порылся в коробке, задрав хвост уселся в наполняющие ее бумажные стружки, а потом закопал содеянное. В корзинку из-под букета Бентли забрался самостоятельно и тут же уснул.

«Удивительно, что я делаю все это машинально», — подумала Соня.

Домашних животных у нее никогда не было, так что это в самом деле было удивительно.

А может, и нет — когда она была погружена в собственные мысли, то внешний мир и действия в нем вообще не отвлекали на себя ее внимание. Странно было бы, если бы это изменилось из-за котенка.

Максим вернулся из командировки утром и сразу поехал на работу, потому что заранее назначил совещание. Договорились вместе поужинать, потом скорее всего пойдут к нему. Они не виделись две недели, разлука всегда взбадривала чувства, в этот раз тоже, и Соне хотелось выглядеть обворожительно. Ни с кем и ни по какому поводу не хотелось, а с ним — всегда, и вовсе без повода тоже.

Когда-то бабушка Лиза объясняла, что бывает одежда для себя, для подружек и для мужчин, и путать эти категории не

нужно. Удивительно, что она знала такие вещи: после смерти мужа больше замуж не выходила и мужчин у нее вроде бы не было, во всяком случае на Сониной памяти. Правда, за пределами ее памяти была ведь бабушкина молодость, в которой та, резкая и ироничная, вполне могла приобрести самый разнообразный опыт.

Как бы там ни было, некоторые бабушкины советы оказались очень точными. О том, например, что надо выбирать профессию, которая прокормит, и тогда при выборе мужа можно будет позволить себе любовь, а не программу жизнеобеспечения. Правда, хоть Соня и считала этот совет дельным, последовать ему смогла не полностью: для получения денежных профессий требовалось не только желание, но и способности к точным наукам, а их, к ее сожалению, не обнаружилось. Впрочем, и работа редактора бизнес-литературы ее устраивала. Деньги это давало не то чтобы большие, но достаточные для того образа жизни, который был ей свойственен, и любовь она в самом деле смогла себе позволить.

Совет не путать одежду трех категорий тоже относился к числу тех, которым она следовала. Для себя Соня надела бы сейчас все равно что, лишь бы удобное. Для подружек выгуляла бы босоножки от Джимми Чу, которые Максим купил ей, когда ездили в Лондон. А для мужчин... Ее мужчина ценит утонченную сексуальность, и она это учтет. Тем более что и соответствующее платье недавно куплено.

Одеваясь, она вспомнила, как собиралась на первое с ним свидание, не понимая еще, что в данном случае считать одеждой для мужчины, и как потом постаралась представить рядом с ним не лично себя, а некую женщину, идеально ему подходящую, и сразу стало понятно, что надеть.

То первое свидание у них было на Патриарших. Погуляли вокруг пруда, посидели на Воландовой скамейке и пошли ужинать в ресторанчик на углу. Тополиный пух вился под ногами, трепет воды был не только виден, но и слышен, а от смеха детей, играющих у памятника Крылову, ощущение безмятежности, ясности жизни становилось завершенным и полным.

Песчаная роза

Теперь о встрече вечером на Патриарших не могло быть и речи. Вместо тихого уголка старого Центра здесь как-то незаметно и очень быстро возникла зона такой исступленной оргии, которая у Сони вызывала оторопь, а у Максима безгливость. Вечерами вокруг пруда все гремело музыкой, орало пьяными голосами, воняло мочой и вызывало одно лишь желание: обойти это место за три версты.

Соня вызвала такси к подъезду. Вечерняя гулянка уже разгоралась, и казалось, что бессмысленная, зловещая какая-то вибрация чувствуется даже в стенах ее дома в километре от Патриарших.

Глава 2

Максим еще утром, позвонив из приземлившегося самолета, спросил, не против ли она, чтобы он сам выбрал ресторан. Соня никогда не бывала против таких вещей, мог бы и не спрашивать, но было приятно, что спросил.

В Большом Саввинском переулке, где этот выбранный им ресторан находился, хватало недавно построенных многоэтажек, уродующих городской пейзаж, но по крайней мере было тихо. И в самом ресторане музыка не громыкала, а едва слышно струилась. Ресторан был респектабелен, это становилось понятно сразу при входе.

В Максиме, впрочем, излишней респектабельности не было. Точнее, не было стремления выглядеть, а не быть, которое респектабельностью обычно и называют. За день он устал, и это вносило в его вечерний облик тот завершающий шарм, который проявляет и выявляет внешность полностью.

Он встал, как только Соня подошла к столу, поцеловал ее, отстранился, окинул быстрым взглядом и сказал:

— Прекрасна, как всегда. И еще более, чем всегда.

Соня улыбнулась его комплименту и спросила, садясь:

— Удачно съездил?

— Уже забылось.

— Был тяжелый день?

— Напряженный, я бы сказал.

В чем состояла напряженность, расспрашивать она не стала. Максим генеральный директор девелоперской компании, поводов для напряжения в его работе много. Вряд ли он сможет рассказать ей обо всех и наверняка не захочет делать это вечером трудного дня, тем более в ресторане.

— Здесь красиво, — сказала Соня, озираясь.

Внизу она заметила бар, вдоль стойки которого мерцала подсветка в виде прозрачно-голубой волны. А здесь, на втором этаже, в центре зала переливалась над большим круглым столом огромная стеклянная луна.

— У нас представлены разные стихии, — сообщил подошедший официант. — Это Лунный зал, есть залы Земли и Огня. И Воздуха, это на веранде.

— На веранде холодно, — сказал Максим. — Посидим под луной, если ты не против.

Соня была не против.

Заказали ужин, выпили белого вина, заедая пряной лепешкой, выбранной в хлебной корзинке из множества необычных сортов. Соня соскучилась о своем мужчине и видела, что он соскучился тоже.

— Расскажи все-таки, что в Сибири было, — сказала она. — Ты же две недели там провел.

— Две недели я провел не столько в Сибири, сколько в офисах и на объектах. Никаких общечеловеческих впечатлений, одни профессиональные. Так что лучше ты расскажи, куда ходила и что видела.

Она ходила на концерт в Малый зал консерватории. Пянистка была совсем юная, никому не известная, людей пришло мало. И вдруг оказалось, что девочка очень талантливая. Когда в перерыве Соня вышла на улицу, все вокруг нее звонили знакомым, чтобы те срочно приезжали на второе отделение, на Шопена, который, судя по Рахманинову первого отделения, будет необыкновенным. Так оно и вышло: девочка играла так, что понятно становилось, почему Пастернак написал, что Шопен вложил живое чудо фольварков, парков, роц, могил в свои этюды.

Песчаная роза

Неизвестно, являются ли эти впечатления общечеловеческими, но Максима они вряд ли заинтересуют. Он готов был изредка ходить с Соней на концерты, но именно готов и именно изредка. Говорил, что ему бывает необходимо погрузиться в какую-нибудь светлую аморфную субстанцию, чтобы расслабиться, и классическая музыка для этого в принципе подходит, но долго он в такой субстанции находится не в состоянии.

— Мне пришлось взять котенка, — сказала она.

— Что значит пришлось?

Его бровь удивленно приподнялась, и Соня залюбовалась ее волнующим изгибом.

— На неделю, — уточнила она. — Сосед попросил. Зовут Бентли.

— С юмором твой сосед.

— Говорит, это в честь мечты. Хотя на самом деле нет. Просто он с юмором, да.

Когда Витьке было пять лет, он попросил сигвей у забредшего во двор пьяного хипстера и умудрился покатать девочку, которую выманил для этого из песочницы — к ужасу своей мамы, не понимавшей, где ее маленький сын научился обращаться с сигвеем. Соня улыбнулась: да, в автомобиле «Бентли» недостаточно бесшабашности, чтобы он мог быть Витькиной мечтой.

Принесли каштановый суп с лангустинами. Максим хотел доставить ей удовольствие, и это ему удалось, суп действительно был вкусный. Неспешно ели, разговаривали о каких-то не слишком волнующих, но приятных вещах, наблюдали за голограммами, которые возникали под потолком в лучах проектора, и за тем, как с переменной блуд причудливо меняется подсветка зала...

— Пойдем? — наконец спросил Максим.

Соня улыбнулась, глядя ему в глаза, и ответила:

— Да.

— Ко мне?

— Хорошо.

— Ты сводишь меня с ума. Знаешь?

- Догадываюсь! — засмеялась она.
- Ты этому рада?
- Конечно!
- А мне иногда кажется, что тебе все равно.
- Почему тебе так кажется? — удивилась Соня.
- По тебе трудно понять, что ты чувствуешь.
- Это плохо?
- Это возбуждает.
- Значит, это хорошо?
- Значит, так.

Максим жил рядом, на Плющихе, и домой к нему пошли из ресторана пешком. Август стоял теплый, идти по вечерним улицам было приятно. Прошли по набережной мимо высокого полукруглого дома и свернули во дворы. Максим обнял Соню и, склонившись, поцеловал в поперечную прорезь, сделанную на ее платье так, будто ткань случайно разорвалась на груди.

— Ты одеваешься просто сумасшедше, — проговорил он.

Голос его стал низким, клокочущим, и это свидетельствовало о возбуждении больше, чем слова.

Платье в самом деле было выдающееся. Пока Максим был в командировке, Соня съездила в Юрмалу к Лайме, с которой училась в университете. Увидев это платье в рижском магазине, она сразу поняла, что Макс такое оценит. Бледно-зеленое, из плотного трикотажа, до лодыжек длиной, закрыто до горла, и вот эта распадающаяся поперечная прорезь на груди. Ложбинка, которая виднелась в прорези, выглядела так, что, когда Соня ожидала сегодня такси у своего дома, проходившая мимо злобная тетка окинула ее таким взглядом, каким посмотрела бы, наверное, на голую распутницу. У платья имелся, правда, еще разрез сбоку, от лодыжки до бедра, но он не был виден, пока не сделаешь шаг, так что впечатление, произведенное на тетку, объяснялось только развратным видом прорези.

Максим вдохнул глубоко, словно стараясь замедлить сердцебиение. Рассыпанные по плечам Сонины волосы попали

Песчаная роза

ему в нос, и он чихнул. Соня засмеялась, поцеловала его, и они вошли в подъезд.

Его дом тоже был построен недавно, и его же компанией, поэтому пентхаус, который Максим для себя выбрал, являлся образцом безупречного современного жилья. Соне нравилось смотреть в огромное панорамное окно, за которым открывался вид на Москву-реку, церковь Михаила Архангела, цепочки и созвездия городских огней.

Она прошла в комнату и остановилась возле низкого стеклянного столика, глядя на эту сияющую московскую россыпь.

— Как твое платье снимается?

Максим поднял Сонины волосы и коснулся губами ее затылка. Его дыхание было горячим, и она знала, что это от желания, направленного на нее.

— Как перчатка, — ответила Соня.

Он присел на корточки, распахнул платье сбоку по разрезу и, целуя ее ногу по всей открывшейся длине, потянул платье вверх, снимая его и вставая одновременно.

— Понимаю средневековых пуритан, или кто они там были... — пробормотал Максим. — Нет ничего эротичнее виднеющейся из-под платья пятки. Но смотря чьей, правда.

Они соскучились, конечно, не только по тому, чтобы пить вино под стеклянной луной, но и по тому, что соединяло, сплетало их сейчас на полу. Не хватило терпения добраться до кровати, да и зачем, если так хорошо на светлом ковре перед стеклянной стеной, за которой город, и река, и огни, и все это пульсирует энергией так же, как их мгновенно сомкнувшиеся тела...

— Надо было продлить удовольствие, — выдохнул Максим, прижимая к себе раскинутые Сонины ноги.

— Тебе его не хватает?

Она сдвинула колени, повинувшись его рукам, и сжала его бока. От этого ее движения, то ли покорного, то ли иступленного, он вздрогнул и застонал. Удовольствия ему явно хватало, и ей тоже, несмотря на то, что все в самом деле произошло слишком быстро — Максим стал вздрагивать в ней

почти сразу, как только она обняла его не ногами только, а всем телом. Но сейчас все и должно было произойти именно так, почти мгновенно: они соскучились оба.

— Вся ночь впереди, — сказала Соня, когда он затих, упершись лбом в ее плечо. — Еще будет и медленно тоже.

Максим перекатился на спину, лег рядом, раскинув руки. Потом покосился на нее и сказал:

— Давай сфотографирую тебя?

— Зачем? — не поняла она. — Для инстаграма, что ли?

— Чтобы ты увидела, как смотришься на этом ковре. Ты с ним просто сливаешься. Я специально такой выбрал.

— С которым я сольюсь? — засмеялась Соня.

Лежать рядом с Максом на мягком ковре было приятно.

— Ну да, — ответил он. — Глаза-то у тебя как песок. И по цвету, и по фактуре. И волосы тоже.

— Сразу видно строителя! — Соня засмеялась. — Может, ты и артикул мой знаешь?

— Артикула не знаю. А хотелось бы.

— Зачем?

— Для определенности. А то я в тебе тону.

— Тебе это не нравится?

— В сексе — нравится, и это еще мало сказать. А в жизни... — Он секунду подумал и твердо сказал: — Тоже нравится. В конце концов, должно же в моей жизни быть хоть что-то непонятное.

Что он имеет в виду, Соне как раз было понятно. Жизнь его выстроена по железобетонным правилам. Неизвестно, установил он их потому, что ему с такими правилами удобно, или потому, что без них ему не по себе, но во всяком случае Соня с ее книжками, музыкой и прочим подобным, наверное, выбивается из общего прагматизма его жизни, и ему это в самом деле нравится.

Максим встал, подал руку Соне и, когда она тоже поднялась с ковра, поцеловал ее в висок, сказав: «Какая прохладная!». Потом он пошел в глубь квартиры за вином: еще в ресторане сообщил, что у него есть ледяное рейнское.

Песчаная роза

Пока его не было, Соня достала из шкафа свой длинный шелковый халат и завернулась в него так, что видны остались только голова да пятки. Любуйся пуританской эротикой, раз нравится!

В этой квартире у нее было все необходимое для того чтобы, войдя, сразу же начать удобную, по собственному вкусу устроенную жизнь. Ключ от квартиры Максим дал ей после третьей ночи, которую она здесь провела, и тогда же предложил покупать сюда все, что она считает необходимым.

Это было два года назад. Если бы Соню спросили, почему они не съезжаются, она могла бы ответить: «Потому что он мне этого не предлагает», — и это было бы правдой, но правдой не полной.

Максим не предлагает ей перейти жить в его квартиру, потому что она ни словом, ни намеком не дает ему понять, что это возможно. Он самолюбив и не хочет встретить отказ. А она не говорит ему об этом, потому что... Да к чему искать сложные объяснения? Потому что ей тридцать семь лет, и то, что казалось желанным и само собой разумеющимся в двадцать, сейчас таковым уже не кажется.

За эти два года они создали для себя ту жизнь, которую можно называть комфортной, имея в виду комфорт не только внешний — с этим вот ковром цвета Сониных волос, и с прекрасным городом за окном, и с шелковым халатом в шкафу, — но и внутренний, то есть такой, в котором каждый из них пребывает в согласии с самим собой. Это далось им не методом проб и ошибок. Вместо ошибок были догадки, а пробы они если и делали, то настолько осторожно, что это ни разу не стало ни для кого из них болезненным и не вызвало неловкости.

Однажды в самом начале отношений Соня сказала, что отпуск у нее будет в октябре, и прекрасно, потому что в это время спадает туристический ажиотаж и становится приятно путешествовать. Максим ответил на это индифферентным «да?», не предложил провести отпуск вместе, и она по-